ЛЕВЫЕ НА ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

Буржуазная эволюция постсоветского антикапитализма.

www.sonar2050.org
expert@sonar2050.org
«Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза "Союзный нарратив 2050"»

www.sonar2050.org

Автор доклада — экономист, писатель, Колташов Василий Георгиевич. Тел.: +7-967-217-01-34. E-mail: koltashov@gmail.com. Страница автора: https://www.sonar2050.org/authors/vasiliykotlashov/

Шеф-редактор — Уралов Семён Сергеевич. Тел.: +7-916-215-72-02. E-mail: uralov@sonar2050.org

Глава аналитического бюро — Лизан Иван Юрьевич. Тел.: +7-999-714-12-40. E-mail: lizan@sonar2050.org

«Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза "Союзный нарратив 2050"»

Адрес: Российская Федерация, 143180, Московская область, г. Звенигород, мкр. Пронина, д. 2, офис 12

Директор — Боков Василий Сергеевич. Тел.: +7-916-120-07-08. E-mail: vb@sonar2050.org

Telegram: sonar2050

YouTube: sonar2050.org

Оглавление

Введение 4
Историческое наследство типовых практик 4
От одного корня 7
«Славянские компартии»: КПРФ, КПУ, КПБ 10
Левая партия, крах нетипового проекта 14
Другие левые Украины и переворот 2014 года 17
Постмодернизм, истматизм и народные массы 19
Выводы 23

Введение

Что являют собой постсоветские левые и связанная с их организациями мысль? Как и почему они управляются? Каковы основные способы захвата и удержания в них власти? Что стало со «славянскими компартиями»? Как оформлена игра с идеологией, кто, как и в силу каких предпосылок этим пользуется в политике? Как всё это связано с развитием России и как пересекается с задачами евразийской интеграции? Появились на левом поле структуры нового типа и какой урок дал здесь украинский Евромайдан 2014 года?

Ответы на все эти вопросы вы найдёте в данном докладе, посвящённом политическим партиям левого спектра в постсоветских республиках.

Историческое наследство типовых практик

На постсоветском пространстве всё так или иначе связано с историей СССР. Это касается системы власти, оппозиции, идейных и культурных течений. Это касается и политических методов, применяемых в левых структурах.

На момент распада СССР численность Коммунистической партии Советского Союза составляла около 16,5 млн человек. Она уже начала сокращаться. В 1990 году партия прошла свой грандиозный максимум в 19 млн членов[1]. «Огромный ноль», — так в воспоминаниях о революции 1917 года Лев Троцкий назвал достигавшую миллионной численности Партию социалистов революционеров (эсеров)[2]. Огромным нулём в конце 1980-х годов являлась уже КПСС. В своей эволюции она прошла столько этапов, что перестала быть политической партией. Все эти этапы наложили отпечаток не только на саму компартию, но и на постсоветские левые структуры и течения, возникшие после краха КПСС. Пусть они и не были непосредственно связаны с трансформациями компартии в прошлом, однако они были связаны с человеческими — психологическими их продуктами. Наконец, они неотделимы от изменений, проведённых советской модернизацией в обществе.

«Ленинский призыв» в партию обеспечил номенклатуре «болото», которым её наследники пользуются в формально левых партиях и в XXI веке.

После смерти Владимира Ленина обнаружилось, что в борьбе за власть существуют два пути: демократический и аппаратный. XII съезд Российской коммунистической партии (большевиков), прошедший в Москве с 17 по 25 апреля, показал огромную силу популярного вождя, опиравшегося на победы революции и гражданской войны.

[1] Численный состав КПСС (1917-1991 гг.): https://www.sovtime.ru/kpss/chislennyij-sostav-kpss
[2] Троцкий Л.Д. История русской революции: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1930/trotl007.htm

Этой фигурой был Троцкий. В тени его находился аппаратный «лидер» Иосиф Сталин, опиравшийся на более популярных старых партийцев Григория Зиновьева и Льва Каменева. Если бы Троцкий стремился взять власть, то XII съезд давал ему такую возможность. В следующем году XIII съезд представил партию в новом виде: организованный аппаратом «ленинский призыв» привлёк в РКП(б) порядка 240 тысяч новых членов, и, хотя это были в основном рабочие и беднейшие крестьяне, партия оказалась размыта потоком недостаточно развитых кадров.

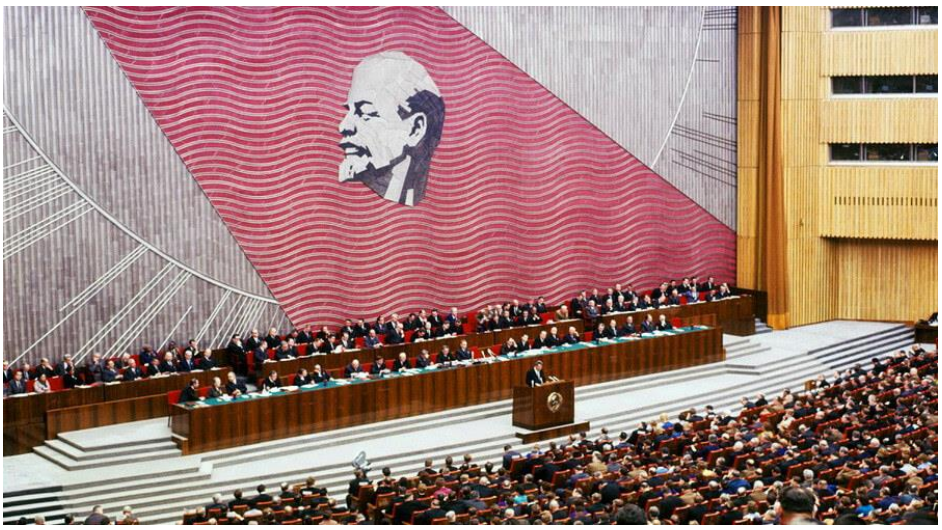
«Болото» сразу показало себя удобным политическим изобретением. Практика его поддержания и расширения стала одной из основных в КПСС, доведя численность организации до безумных и бессмысленных размеров. Позднее она была перенята постсоветскими компартиями, где наличие «болота» из малоактивных консервативно настроенных членов обеспечивало власть «вождя» или аппарата. Постсоветские левые унаследовали от КПСС и другое: запрет фракций и платформ. Это табу привело к размножению организаций делением и крайнему затруднению идейных споров и объединению структур, что почти во всех случаях было удобно для правящей группы в той или иной организации, а также дало основание для периодического вычисления даже потенциальной оппозиции. Запрет на многообразие позиций имеется даже в малых группах.

Всё это унаследовано от Советской России ещё 1920-х годов.

Изменения в РКП(б) 1923–1924 годов ускорили переход политической борьбы в аппаратную форму. Численность партии превысила 735 тысяч членов и кандидатов. С этого момента она непрерывно увеличивалась, достигнув предсмертного максимума.

По мере же развития внутренней борьбы в СССР 1920–1930-х годов высшее руководство всё более забирало власть над процессами, а низы не воспринимали это как нарушение демократических принципов и не вели серьёзной борьбы за восстановление рабочих практик прошлого. Установилась власть номенклатуры, лиц, занимающих выборные должности благодаря голосованию за них списком или по отдельности с подачи более высокого партийного начальства. Именно оно готовило и выдвигало кадры. Так, внешне демократическим путём, через внутрипартийные выборы, но на деле сверху вниз шло формирование всех управляющих и контролирующих институтов.

Номенклатурная схема формирования партийной власти на протяжении истории СССР была то более жёсткой (воля Сталина), то более мягкой (аппаратный консенсус разного вида). Она перешла в постсоветские коммунистические партии и трансформировалась уже под влиянием рыночных отношений, выборов, всплесков национализма и типов политических режимов. Её элементы присутствовали во многих левых организациях, если те располагали ресурсами, хотя финансовый фактор становился всё более значимым. Сказывалось также изменение социальной структуры общества и его этики: в обществе с доминантой идеи

личного благополучия и стремления рабочего класса приобщиться к «обществу потребления» отступали коллективное взаимодействие и солидарность, что сказывалось и на левых.

Президиум на съезде КПСС — воплощение «коммунистической» иерархии: никаких представителей фракций, никаких публичных авторитетов, только функционеры, много высоких аппаратных функционеров.

В области идей на постсоветских левых огромное влияние оказала обработка марксизма советской бюрократией и зачистка политики от оппозиционных левых течений. **Анархизм с его отрицанием государства и партий, троцкизм с его верой в непрерывную революцию, меньшевизм с его попыткой следовать путём европейской социал-демократии (реформ и будто бы готовых этапов развития), радикальное республиканство эсеров с их надеждой повторить опыт Великой французской революции посредством распределения земли между мелкими собственниками, левые сталинисты (критиковавшие и Сталина, и Троцкого) — всё это потонуло в волнах XX века.** Всё это нашло лишь карикатурное отражение в партийных учебниках КПСС и в «научном» курсе советского марксизма, или марксизма-ленинизма. Однако он сформировал аскетические этические идеалы и не мог устранить радикализм социально-экономических лозунгов. В наследство от них осталось представление о якобы существовавшем в СССР социализме, хотя марксизм не предполагал одновременного существования капитализма и строя, который должен был прийти ему на смену в результате развития и взрыва классовых противоречий.

Своеобразным наследием для постсоветских левых явился кризис теории. Его можно было с опорой на постмодернизм игнорировать или признавать, так как капитализм пришёл на смену якобы окончательно и бесповоротно победившему социализму, а рабочий класс выбрал собственность, широкий рынок и «общество потребления». Закономерность такого сдвига описана в докладе[3] Института нового общества «Общество без оппозиции»: кризис левых в эпоху неолиберализма и после» (2019). Но постсоветские левые были далеки от понимания закономерности происходивших сдвигов. Не знали они в основной массе, что произошло с левыми в странах «развитого капитализма». А там, как показано в докладе СОНАР-2050 «Левые на Западе» (2020), несколько ранее произошли аналогичные превращения[4]. По сути, они показывали маршрут эволюции для постсоветских левых, хотя те располагали лишь одной отправной точкой — КПСС, и, имея массы без культуры экономической борьбы и с сильным разочарованием в аскетизме, были сильно догматизированы.

Мышление на основе догматов из советских учебников марксизма-ленинизма не мешало, а даже помогало вести оборонительные бои в начале постсоветского времени. В дальнейшем это не могло не превратиться в глухое игнорирование действительности как внутри своей страны, так и за её пределами. С подобной предустановкой, включая отказ анализировать опыт XX века, приходили новые и новые поколения. Такова была реальность двух первых десятилетий XXI века, сменившая более активный в политическом плане период.

В 1990-е годы велико было низовое сопротивление неолиберальным реформам. Широкие слои населения России, Украины и некоторых других стран были готовы участвовать в митингах, шествиях и забастовках под левыми лозунгами. В 2001–2007 годах экономический рост породил всплеск профсоюзного движения, произошёл приток молодых людей в левые структуры (пусть и незначительный). Это сформировало новые левые группы и проекты. Однако начало в 2008 году мирового экономического кризиса ситуацию мало изменило.

---

[3] Доклад Института нового общества «Общество без оппозиции»: кризис левых в эпоху неолиберализма и после»: http://neosoc.su/ %d0 %be %d0 %b1 %d1 %89 %d0 %b5 %d1 %81 %d1 %82 %d0 %b2 %d0 %be- %d0 %b1 %d0 %b5 %d0 %b7-%d0 %be %d0 %bf %d0 %bf %d0 %be %d0 %b7 %d0 %b8 %d1 %86 %d0 %b8 %d0 %b8/

[4] Колташов В. Левые на Западе: https://www.sonar2050.org/publications/levye-na-zapade/?fbclid=IwAR3p6EQkBc-weNl7xL0FHn-4rL6myVRpP6qJoX336l5PnCvQtcaDNU2LarY

От одного корня

Постсоветские компартии сразу объявили себя наследниками КПСС, от которой в основной массе они произошли. В России в 1993 году была образована Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), а на Украине — Коммунистическая партия Украины (КПУ). В Белоруссии в 1996 году появилась Коммунистическая партия Белоруссии (КПБ). В других постсоветских государствах появились свои коммунистические партии. При этом в Закавказье и Средней Азии они были наименее заметными политическими силами.

Компартии не являлись единственным возникшим из останков КПСС продуктом, эволюция которого пошла в новых, явно рыночных условиях и при политической многопартийности**. Распад КПСС происходил по нескольким направлениям: либеральному (демократическому в самоопределении), национал-либеральному, ортодоксально-коммунистическому и социал-демократическому.** Каждое из этих направлений привело к появлению своих левых или условно левых отложений. Они не были ни разновесными, ни одинаково устойчивыми. Не было у них и принципиального единства в вопросе евразийского сотрудничества или международной борьбы против капитализма, который они ассоциировали с рынком и частной собственностью на средства производства. Самой серьёзной силой были так называемые коммунистические партии, которые за тридцать лет (с 1991 по 2021 год) превратились в нечто сильно отличное от того, чем обещали быть своим членам и избирателям.

Перерождение руководства ведущих коммунистических партий шло быстрее всего. Это сразу нашло отражение в форме юмора, хотя в некоторых случаях анекдоты основывались на реальных событиях. Одновременно в номенклатурных верхах происходило отторжение аскетизма и принципов служения некой радикальной цели, чего первоначально ожидали низы; марксизм-ленинизм вытеснялся идеологией особости постсоветских наций и абстрактным государственничеством, хотя критика незаконного обогащения, неолиберальных реформ и социальной несправедливости сохранялась.

Долгое время более левой и менее коррумпированной казалась КПУ, пока в президентство Виктора Януковича начальство партии не получило временно возможность обогащаться[5] посредством контроля над частью таможенной системы Украины.

Анекдот про Петра Симоненко, руководителя КПУ	Исторический анекдот про лидера КПРФ Геннадия Зюганова, на основе ситуации, имевшей место в конце 1990-х годов
Симоненко привёз пожилую мать в Киев и показывает ей свои богатства — роскошь, приобретённую при капитализме на посту главного коммуниста Украины. Старушка осмотрела дом, дорогую мебель, предметы искусства и антиквариат. Вздохнув, она сказала: «Ах, сынок, хорошо! Сколько добра нажил! Одного боюсь: если коммуняки к власти придут, ведь всё отберут!»	На съезде КПРФ один из делегатов возмущённо говорит: «Вот читаю работы товарища Зюганова. Там всё про бога, про святую Русь! А он вроде как коммунист, марксист, интернационалист… Как же это так? Объясните?!» В ответ заместитель Зюганова Валентин Купцов поднимается из президиума: «А вам, товарищ, никто и не говорил, что книги Геннадия Андреевича рекомендованы для партийного чтения!»

В своей эволюции постсоветские коммунистические партии старались следовать за настроениями общества. Одновременно они ориентировались на господствующие в стране круги. Эта ориентация в Средней Азии сделала компартии чем-то вроде ностальгических клубов. Если эти партии предпринимали попытку играть серьёзную роль в политике, то их могла ожидать судьба Коммунистической партии Казахстана (КПК). Будучи

[5] Симоненко лишился главного источника наполнения партийной казны КПУ, 07.12.2012: https://newdaynews.ru/kiev/415527.html

восстановлена достаточно поздно, в 1996 году, в 2011-м она попала под запрет из-за оппозиционной активности. Под патронажем властей из её откола была создана Коммунистическая народная партия Казахстана (КНПК), со временем занявшая место КПК в представительной системе. В Белоруссии местная партия КПБ тоже открыто сотрудничала с властями, поддерживая их.

Роль КПРФ и КПУ была более сложной, так как само общество в России и Украине было сложнее.

Соратник Геннадия Зюганова Валерий Рашкин пытается показать, что пропагандистские штампы «у нас есть команда» и «мы решим ваши проблемы» не пустой звук?

Постсоветские компартии могли отступать от внешне марксистской фразеологии, но твёрдо подчёркивали свою приверженность народовластию. В их интерпретации этот термин означал подлинную демократию, отличную от ложной либеральной демократии. Не только крупные, но и малочисленные организации часто занимали эту позицию. Это не всегда были декларативно-марксистские левые. Однако именно внешне коммунистические наследники КПСС энергичнее прочих развивали формы установления и удержания внутрипартийной власти. Почти всегда эти схемы были прикрыты фразами о коллегиальности, демократии, демократическом централизме как формах внутренней работы. Их произносили правящие в организациях лица. Они заносятся в уставы и публичные декларации. Тем временем на практике имеет место нечто совсем иное, не соответствующее коллегиальности управления.

Методы управления политическими партиями

Метод установления и поддержания власти	Содержание метода	Приписываемое авторство	Примеры применения в постсоветских странах
Аппаратный*	Публичные фигуры отодвигаются аппаратом партии и его «вождём», или вообще не допускается их возникновения, тогда как аппаратчики берут на себя роль публичных лидеров.	Иосиф Сталин	Повсеместно в крупных компартиях, менее выражено в небольших левых организациях; примеры: Зюганов, Симоненко.
Теневой	Внутри внешне демократического сообщества единомышленников формируются по принципу матрёшки группы (группы внутри групп), замкнутые на лидера. Метод удобен для имитации полной свободы, когда одно лицо держит	Михаил Бакунин	В среде левых групп, особенно у анархистов. Рыхлость структур и легковесность идеологии анархистского типа групп позволяет устанавливать в них власть полицейских агентов по этой схеме.

	финансовые притоки в организацию.		
Юридический	Контролирующий организацию юридически (печать) является её хозяином и по отношению к публичному «вождю», и по отношению к партийному аппарату и рядовым членам организации	Валентин Купцов — до 2003 года «серый кардинал» КПРФ.	Почти повсеместно в зарегистрированных левых организациях. Долгое время Купцов контролировал центральный аппарат КПРФ, но после похищения у него печати был смещён и выдавлен из партии.
Гостевой*	Обладающее ресурсами публичное лицо создаёт аппарат (нанимает менеджмент) и строит движение, в котором участники остаются как бы в гостях — принимают идеологию, форму организации и её методы. Только гостевое состояние участников не афишируется.	Николай Платошкин	Движение «За новый социализм» (Россия)
Анархо-волюнтаристский	Структура изначально строится под вождя, не имеет стабильного финансирования и ясного аппарата; политика определяется действиями самопровозглашённого лидера.	Им мог бы быть Сергей Удальцов	«Левый Фронт», группа «Рабкор» (Россия)
Гнилая коллегиальность	Власть лидеров основана на манипулировании «серой» массой участников проекта, при этом старые практики коллегиальной работы (съезды, конференции, комиссии, комитеты) применяются вульгарно, без знания дела и понимания сути самих механизмов, но всегда к выгоде доминирующей группы. Диктат определённой идеологии может быть отличным инструментом удержания верхами власти, ведь несогласных с чем-либо легко объявить оппортунистами и ревизионистами.	Может считаться спонтанным порождением деградации левых практик.	«Левый блок» (Россия), троцкистские и иные радикальные группы

**Наименее благоприятствующие росту идейных разногласий и расколам методы, но требующие работы по формированию устойчивого «болота».*

На поле произрастания левых организаций не были чужды и неолиберальному принципу власти: кто платит, того надлежит слушаться; кто обеспечивает финансирование проекта, тот является его церемониальным лидером и обеспечивает распределение избирательных округов, депутатских мест и позиций в руководстве близких структур (медиа, общественные проекты). Однако здесь ограничителем выступала удалённость левых

групп от денежных потоков, возникшая как из отсутствия на постсоветском пространстве сильных социальных движений и структур рабочего класса (профсоюзов) с их фондами, так и из неверия бизнеса в полезность вложения денег в «красные проекты». Электоральное влияние имели в основном крупные компартии. С ними бизнес работать не отказывался, понимая фиктивность левизны и лозунгов.

Николай Платошкин выступает на I съезде Движения «За новый социализм», обходясь без президиума, комиссий, комитетов и прочих «бюрократических» излишеств.

Крупные компартии были главными наследниками КПСС. Они приняли от них количество кадров и качество методов, сохранив при этом на длительное время формальные демократические процедуры. О невероятном развитии их в России 1917 года писал Джон Рид в книге о революции[6]. С этого времени партийная демократия сузилась и окаменела. После этого в условиях реставрации широкого рынка она продолжила деградацию, что породило новые методы поддержания власти верхов над низами в левых организациях. Максимум форм манипуляции в управлении дал ортодоксально-коммунистический вектор. В леволиберальном направлении куда большей оказалась прямая власть денег и создаваемого ими влияния, но структуры были крайне малочисленными. Это при том, что молодёжные крылья крупных компартий в России и на Украине едва дотягивали по численности до уровня какой-нибудь леворадикальной сектантской организации в странах еврозоны.

В случае большинства левых постсоветских структур речь могла идти лишь о микроскопической численности. Там просто не нужны были изощренные формы власти, а процедурная демократия сводилась к первобытным приёмам. Власть вожака держалась на его авторитете и активности. В анархистских группах могли держаться теневой бакунинской схемы, даже не зная, что играют такую шахматную комбинацию. Для развития социал-демократического направления не оказалось ни активных массовых профсоюзов, ни среднего класса потребителей с их интересом к медленным улучшениям социальных и трудовых прав и расширению демократии при сохранении широкого рынка и собственности. Потому социал-демократы, подобно левым либералам, шли либо в лагерь власти, либо в ряды неолиберальной прозападной оппозиции с её грантами и поездками за границу для обмена опытом. Немногие держались в стороне от всего этого. Дело этим не менялось. Политически и идеологически эти продукты распада КПСС растворялись в неблагоприятной среде.

Благоприятной среда, казалось, была прежде всего для КПРФ и КПУ. Особое положение имелось у КПБ.

«Славянские компартии»: КПРФ, КПУ, КПБ

Электоральный успех КПРФ и КПУ имел одну общую причину: страх избирателей перед левыми, кажущимися настоящими коммунистами. Фальшивость левизны названных партий не мешала массам использовать их как инструменты давления на власть. Поддержка КПРФ и КПУ на выборах должна была сигнализировать верхам о недовольстве низов. На Украине этот механизм работал до государственного переворота 2014 года. В России

[6] Джон Рид, Десять дней, которые потрясли мир: https://www.litmir.me/br/?b=68961&p=4

он не утратил применения и в 2020 году, хотя влияние КПРФ почти постоянно снижалось. На её поле посягали другие «красные» проекты.

Зюганов и Симоненко вручают друг другу памятные награды?

В пиковый период своей истории КПРФ насчитывала порядка 250 тысяч человек, хотя в партийных документах приводилась численность в 500-600 тысяч членов. В реальности даже с учётом «мёртвых душ» партия такого количества людей в своём составе не имела.

В 1998–2003 годах КПРФ пережила приток идейно мотивированной молодёжи: в рядах партии появилось заметное число молодых активистов, тогда как прежде она состояла в основном из людей пенсионного и предпенсионного возраста. Для руководства активность молодых кадров оказалась проблемой, которую удалось постепенно решить при помощи чисток и выдвижения на командные позиции молодых карьеристов. Отрицательный отбор помог руководителю партии и в укреплении собственных позиций. Он остановил процесс лечения и вместе с тем помешал немедленному умиранию.

Эволюция КПУ мало отличалась от изменений в КПРФ. Здесь тоже производились чистки молодых и чересчур активных, по мнению старого руководства, активистов. В роковой год Евромайдана это обернулось фактическим рассыпанием партии. В 2012 году КПУ получила на выборах в Верховную Раду 13,18 % избирателей[7]. В 2014 году она как организованная сила не сыграла заметной роли в борьбе с переворотом, хотя члены партии в Донбассе и Крыму включились в движение Русской весны.

Численность КПУ оценивают в 115 тыс. человек, но даже на пике влияния партии этот уровень едва ли достигался[8]. Более вероятно, что на начало 2000-х годов партия имела под своими знамёнами 60-75 тысяч членов, немалая часть из которых была пассивными пожилыми держателями билетов. Порой их активность сводилась к печальной формуле «умереть с партбилетом». Масса формальных членов к 2014 году превратилась в политический прах. КПРФ продемонстрировала аналогичную слабость, когда в августе 2019-го не смогла провести альтернативный либералам митинг. Попытка свезти из регионов хотя бы 8-10 тысяч участников провалилась. Но если в КПУ после Евромайдана могли задуматься о губительности курса, то в КПРФ в 2020-м его продолжали.

В 2020 году в Екатеринбурге КПРФ провела саму значительную чистку молодого актива за предшествующие годы: было исключено порядка 50 комсомольцев, обличавших начальство регионального отделения. Операция проводилась при участии центрального аппарата партии. Она решала стандартную задачу удаления вышедших из-под контроля идейно мотивированных кадров. Наличие таковых вообще не было желательным, так как руководство КПРФ стремилось сделать партию подобной частной компании — партией менеджерского типа. Это было удобно не столько в электоральном плане, сколько с точки зрения возможной передачи КПРФ по

[7] Коммунистическая партия Украины. Досье: https://tass.ru/info/2141893
[8] Там же.

наследству внуку «вождя» Леониду Зюганову. Вся система отрицательного отбора в КПРФ должна была защитить Геннадия Зюганова от попыток перехвата власти, но решались и другие проблемы.

Плоды отрицательного отбора в постсоветских компартиях	
Название проблемы	Достигаемый результат
Идейная мотивация	Останавливается приток людей с идейной мотивацией, сами они в партии ставятся под контроль мотивированных на карьеру и материальные выгоды управленческих кадров.
Повышенная активность	Непредсказуемость протестных действий подразделений партии почти устраняется, низовые процессы в партии ставятся под контроль чуждой веры в декларируемые идеи бюрократии, заинтересованной более всего в личной выгоде и зависящей от «вождя».
Идеологические споры	Идеология превращается из вопроса партийной жизни в нечто целиком зависящее от интересов партийной верхушки, которая может изменять её, исходя из личных финансовых и карьерных, партийно-электоральных и иных интересов; теоретические, стратегические и тактические дискуссии имитируются или вовсе устраняются.
Внутренняя демократия	Лица с карьерными устремлениями, зачастую понимающие свою низкую ценность как специалистов в рамках рыночной экономики, не имеют никакой заинтересованности в реальных демократических процедурах, которые превращаются их стараниями из жизненной практики (демократический централизм, широкий демократизм и т. п.) в партийный ритуал.
Общественное влияние автономных личностей	Партия избавляется от видных автономных, имеющих авторитет и возможности проявить себя во внешней среде кадров или предотвращает их попадание в свои ряды, что избавляет её от влияния неуправляемых сверху людей на массу рядовых членов, структуры и внутрипартийный климат; остающиеся инициативные и мотивированные убеждениями лица подавляются, отсекаются от важных должностей, оказываются в некомфортной среде и со временем окончательно деморализуются.

На фоне КПРФ и КПУ компартия Белоруссии в 2016–2019 годах выглядела не столь переродившейся. Но политический кризис 2020 года в стране показал, что она является не более чем слабым подразделением постсоветской системы власти. К тому же за несколько лет до этого КПБ поддержала отсечение нелегальных самозанятых и наёмных работников от социальной системы государства. В БКП забыли о неотъемлемости прав и недопустимости для левых поддерживать подобные кампании, какие бы сиюминутные выгоды ни сулил союз с администрацией Александра Лукашенко.

На пике своей активности БКП декларировала[9] численность в 6 тысяч человек. Политический кризис 2020 года показал, что и 1,5–2 тысячи членов — это слишком оптимистичная оценка количества её членов.

К 2021 году КПУ и КПБ растворились в борьбе различных сил, не став факторами политики. КПРФ на местных выборах 2020 года столкнулась с перехватов голосов избирателей другими структурами, презентующими себя в качестве коммунистических. Всё перечисленное стало результатом веры партийного начальства в наличие у него под контролем неделимого ядра сторонников-избирателей, тогда как идеологически «славянские компартии» смещались всё более вправо и всё менее хотели замечать проблемы низов.

Отрицательный отбор и ставка на выборы как едва ли не единственную деятельность (открытое приспособление к власти для КПБ) привела ведущие постсоветские компартии к фактическому отходу от интернационализма. В случае КПРФ наблюдался уклон в клерикально-националистическую сторону. Зюганов

[9] Палітычныя партыі Беларусі: гісторыя і сучаснасць / У.К. Коршук [і інш.]. — Мінск: Тэсей, 2011. — С. 204. — 208 с.

даже заявил, что русский социализм — ответ на русский вопрос. При этом он сослался на консервативного философа Ивана Ильина и «раскрыл» секрет глобализации: *«Сегодня русских сживают со света. В этом суть геополитического процесса глобализации»*[10].

Кандидат в президенты РФ от КПРФ в 2018 г., социальный коммерсант Павел Грудинин и Юрий Афонин, номенклатурный руководитель комсомола КПРФ и начальник его избирательного штаба. Таблички перепутаны, но это не отменит ощущения цинично слитой ими самими избирательной кампании.

В 2008 году, ещё до начала мирового экономического кризиса, интеллектуальная деградация в ведущих компартиях сделалась более чем заметной. Риторика стала примитивной, а задачи всё более приземлёнными. При этом «оказание оппозиционных услуг населению» становилось всё менее качественным, тогда как структурно и морально партии переродились. И только в Белоруссии из-за дефицита «буржуазной политики» процессы шли медленнее.

В 2013–2020 годах в КПРФ попытались вновь разыграть левую карту, вспомнив марксизм-ленинизм, так как нажим слева начал нарастать. Но ещё более это была реакция на смещение общественной повестки влево. В 2017 году КПРФ поспособствовала делу, выдвинув кандидатом в президенты предпринимателя с репутацией социал-демократа Павла Грудинина. Но последовавший сдвиг влево (в сторону большей социальной политики) высшего руководства страны создал для КПРФ неожиданные трудности. **Если в начале 2000-х годов КПРФ обвиняла власти в похищении у неё патриотической риторики, которую почему-то считала своей, то в 2020 году осталось только поддержать поправки в конституцию, чтобы не выпасть из повестки реформ.** Партия Зюганова из этой повестки выпала, оставшись критическим критиком без идей.

КПУ продвинулась дальше всех постсоветских компартий в государственной власти. «В отличие от российской КПРФ, которая реальными политическими рычагами влияния не располагает, КПУ имела реальную возможность участвовать в принятии решений, пользуясь расколом в украинском олигархате. Можно сказать, что КПУ обладала своего рода "золотой акцией", без которой правящая коалиция "за Януковича" в Верховной Раде не собиралась»[11]. Когда власть Януковича пала, номенклатура КПУ практически без сопротивления приняла свою ликвидацию. *«Пока они заседали в качестве мебели в Верховной Раде, фашисты крушили горкомы и обкомы, сносили памятники Ленину, убивали коммунистов в Одессе, Мариуполе и в Донбассе. Как финал процесса фракцию Компартии разогнали, подготовили ряд антисоветских законов о запрете идеологии, партии и о "советской оккупации"»*[12]. Образ партии рабочих масс рассыпался. Лишь в Севастополе и Луганске её активисты показали себя.

[10] Геннадий Зюганов: Русский социализм — ответ на русский вопрос, 2006.04.06: https://kprf.ru/news/articles/we/40891.html

[11] Рожин Борис, Год спустя: левые и Майдан: http://rabkor.ru/columns/left/2015/02/11/year-after-maidan/

[12] Там же.

Лёгкость стирания КПУ с политической карты объясняется пропастью между риторикой партийного начальства и сутью самого явления. Партия истончилась в своём превращении в обратное тому, что декларировала в качестве принципов организации. Она оказалась не в силах защищать обозначаемые из года в год позиции, а конформизм большинства её членов только облегчил победу сил Евромайдана. Случись нечто подобное в России, КПРФ была бы сметена с такой же лёгкостью. В случае Белоруссии возможность именно такого исчезновения КПБ показали месяцы политического кризиса 2020 года.

Мутация «славянских компартий» была продолжением мутации КПСС. И чем больше в низах партии пытались тихо жить с чистой совестью или «умереть с партбилетом», чем более пассивной и похожей на болото становилась масса, тем быстрее шло перерождение верхов. А они делали свои партии слабее и слабее, приближая их крах. Но форсировать этот процесс не удалось ни власти с нажимом критики, ни левым активистам с новыми проектами.

Левая партия, крах нетипового проекта

«Зюганов, как бегемот, всё вытоптал вокруг себя», — любил повторять лидер новосибирской КПРФ Виктор Кузнецов. Но в стороне от КПРФ и КПУ пробивались ростки левых организаций, часто опиравшихся на вышедшие или исключённые из больших постсоветских компартий кадры. В основном это были молодые люди. В 2001–2005 годах они надеялись на модернизацию партий. Руководство КПРФ и КПУ старалось сначала избавиться от опасно-деятельных кадров (особенно открыто критиковавших порядки в партиях и их молодёжных организациях). Дошла в чистках очередь и до подозрительных молодых приспособленцев, которые были заподозрены в несанкционированных карьерных амбициях, автономности работы и излишнем упоре на марксистско-ленинскую фразеологию.

Зелёные побеги новых левых пробиваются в стороне от бегемотов? Или всё-таки они не смогут сформироваться?

Приток молодых активистов в КПРФ и КПУ в нулевые годы являлся выгодным с точки зрения партийной пропаганды, но был и опасным для старых верхов. Проблему для руководства должны были помочь решить молодёжные организации, частично изолировав молодые кадры от политики. Эффект оказался не тотальным. В молодёжной организации КПРФ — Союзе коммунистической молодёжи (СКМ РФ) — в 2003–2004 годах сформировался лагерь сторонников объединения с другими левыми группами через создание Молодёжного левого фронта (МЛФ). Партийное начальство сумело ликвидировать МЛФ в 2005 году, выведя из него СКМ РФ. А энтузиасты проекта пришли к выводу, что «нужно выходить за рамки молодёжной организации», прибавив к этому рассуждения о пользе акций прямого действия, развитии идеологической

базы и логике подлинной социальной борьбы[13]. Буква «М» была отброшена, и началось строительство Левого Фронта (ЛФ), объединения групп и активистов для общей политической работы.

Видную роль в процессе создания ЛФ играли Борис Кагарлицкий, Алексей Пригарин и Илья Пономарёв. Кагарлицкий имел репутацию знатока марксизма и опыта западных левых, остро критиковал неолиберализм и выдвигал идею широкой (с разными платформами) левой партии. Пригарин в прошлом был одним из организаторов марксистской платформы в КПСС, занимал до 1991 года должность главы Центра политического анализа и прогнозирования при ЦК КПСС. Пономарёв выступал в роли лидера молодых левых (был одним из конструкторов МЛФ), при этом не скрывая своей карьеры в ЮКОСе Михаила Ходорковского, дружеских отношений с Ильей Яшиным и иными либеральными оппозиционерами. «Стыдно продаваться меньше, чем за 1000 долларов», — в шутку наставлял он комсомольцев КПРФ, готовых переходить ради карьеры на любую сторону.

Первое издание ЛФ просуществовало недолго: в проекте произошёл раскол по вопросу отношения к КПРФ; Кагарлицкий и немногие его поддержавшие покинули ряды строителей фронта, считая необходимой критику партии Зюганова, без чего едва ли можно было рассчитывать построить новую широкую левую организацию в России. Созданный в 2008 году ЛФ Сергея Удальцова уже ориентировался то на КПРФ, то на либеральную прозападную оппозицию, Бориса Немцова и Алексея Навального и никаких выдающихся черт не имел. Это было по сути второе издание ЛФ.

Президент Венесуэлы Уго Чавес указывает Борису Кагарлицкому правильное направление в левой политике, словно бы благословляя не склоняться перед КПРФ и даже маскирующейся под социал-демократов СР.

Идея независимого ЛФ была перенесена в проект Левой партии (ЛП), для чего были созданы координационная группа «Левая политика» и одноимённый журнал[14]. В 2005–2007 годах была развёрнута кампания среди левых, которую возглавил Кагарлицкий. Её цели состояли в том, чтобы создать не объединение, которое дружит со всеми внешне оппозиционными партиями, не задевая ни КПРФ, ни созданную сверху для электоральной имитации умеренной левой организации Справедливую Россию (СР). Цель была в формировании из левых активистов и готовых отколоться от КПРФ и СКМ кадров левой политической организации, похожей структурно на Левую партию в ФРГ. Она должна была стать широкой, не догматической и свободной в обсуждении вопросов теории, тактики и стратегии, а также способной в перспективе стать массовой.

Проблемы возникли сразу. Выяснилось, что ситуация в России не сходна со странами Западной Европы, где такие левые объединения были возможны. Региональные активисты различных организаций и особенно структур КПРФ не проявили никакого желания строить снизу независимую от номенклатуры ЛП, функционирующую демократически, стремящуюся зацепить массы идеями социальных реформ больше, чем фразами о новой революции. Было очевидно: создать левую партию верхушечными, политтехнологическими

[13] Молодёжный левый фронт: история и уроки, 11.05.2005: https://kprf.ru/personal/ponomarev/iparticles/33437.html
[14] В 2019 году журнал «Левая политика» был передан СР и объявлен её теоретическим органом.

методами невозможно[15]. Но поиск политических методов для решения этой задачи вскрыл отсутствие на российском левом поле политики при наличии множества окрашенных в красно-оппозиционный тон профессиональных политиков. Политика стала их ремеслом и даже бизнесом настолько, что символический ряд левых ценностей уже ничего не символического не значил. А вот финансы, возможные и получаемые должности определяли многое.

Главная причина провала проекта состояла в номенклатурной психологии большинства левых. Некоторые указывали на ценность ресурсов КПРФ. Другие не скрывали своих амбиций стать депутатами за счёт этой партии («Кто же нас ещё сделает депутатами?»). Специфическим порой было и отношение левой среды нулевых годов к народу. В ответ на предложение лозунга тридцатичасовой рабочей недели зюгановские комсомольцы заявляли: «Какое ещё сокращение рабочей недели? Пусть рабочие не рассчитывают на это или что-то подобное. Страна в руинах. Когда мы придём к власти, они будут вкалывать ещё больше!» Мысленно многие из этих активистов видели себя в номенклатуре, которая являлась бы правящей уже в стране.

Поэтому и в 2012 году шансы создания в России ЛП Кагарлицкий оценивал крайне скептически, отмечая бессмысленность механического объединения различных групп[16]. Даже на основе вроде бы общего дела такое соединение продуктов отнюдь не беспричинной атомизации на левом поле могла быть произведено лишь сверху и лишь при крупных денежных вливаниях в «вождей» и аппарат. Или всё рассыпалось, так как запроса снизу не существовало. Правда, в 2015–2020 годах в России сложилась максималистская левая интернет-среда, готовая сыпать «донаты» за шоу на «Ютубе» и обещание скорой революции. Но то была иная ситуация, вызванная раздражением от экономического кризиса.

Среда, к которой в 2003–2007 годах обращались сторонники ЛФ или идеи ЛП, была во многом сформирована возникшими у её представителей трудностями с экономической реализацией, что определяло проблемы во взаимопонимании между ними и широкими слоями общества. Экономика находилась на подъёме, в стране шёл процесс образования фирм и расширения офисов, и это были во многом именно индивидуальные проблемы.

В описанной ситуации радикальные фразы были эмоциональным убежищем немногих, а не боевыми лозунгами трудящихся классов. Если в период подъёма русского революционного движения в конце XIX — начале XX века к бедным рабочим обращались молодые люди из средних слоев и даже выходцы из более обеспеченных кругов, каковыми, например, были Анатолий Луначарский или Инесса Арманд, то в первые десятилетия XXI века положение было иным. Неустроенные, ищущие политические решения своих личных проблем (психологических и материальных) молодые люди обращались к погружённым в частную жизнь, индивидуалистичным, думающим о способах поднятия материального достатка гражданам. При этом молодым активистам был чужд экономизм масс. Левые активисты порой сетовали, что низы готовы принимать от левых поддержку, но не готовы работать на них как солдаты движения, имевшего огромное перепроизводство «генералов» и «офицеров».

Проект ЛП не нашёл поддержки в левой среде, а российское общество не имело запроса на структуры нового вида. В России на обочине КПРФ продолжился процесс формирования и развала партий «ленинского типа» и «авангардных отрядов», что не являлось мумификаций старого коммунизма (термин Антонио Грамши) западноевропейского образца. Ни левый сталинизм, ни троцкизм не были в СССР представлены особыми организациями, а устойчивого рабочего движения как среды вовсе не существовало. Потому такие структуры, как Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), Революционная рабочая партия (РРП) или Российский объединённый трудовой фронт (РОТ ФРОНТ), являлись реконструкциями, и дальше игры дело часто не шло.

---

[15] Кагарлицкий: Создать «левую» партию «сверху» невозможно, 28.03.2012: https://www.rosbalt.ru/main/2012/03/28/962584.html

[16] Там же.

Другие левые Украины и переворот 2014 года

На Украине в стороне от КПУ была предпринята собственная попытка создать действенную структуру нового вида. Она была предпринята вычищенными из КПУ комсомольцами, которые первоначально создали Организацию марксистов (2007). «Боротьба» — такое название получила новая организация, делавшая акцент больше на неконкретной работе, чем на её идеологическом окрасе. По вопросам НАТО, фашизма, Степана Бандеры, ВТО или кредитов МВФ, дружбы народов и социализма «Боротьба» от КПУ почти не отличалась. Она отличалась тем, что была искреннее и моложе по кадрам.

«Боротьба» возникла в условиях, когда украинский капитализм оказался на меже: старая политика сидения на двух стульях (маневрирования между Россией и ЕС) зашла в тупик. Россия выступала с проектом евразийской интеграции, который обещал стать протекционистским, спасающим и возрождающим производство, а также обеспечивающим управленческую самостоятельность этого процесса. ЕС под нажимом мирового экономического кризиса усиливал свой поход на Восток, рассчитывая получить там «жизненное пространство». Его агенты самым бесцеремонным образом врали гражданам Украины о скором получении ими «европейских пенсий», «европейских зарплат», умалчивая о куда как более вероятных европейских ценах, тарифах и расходах домашних хозяйств. Население Украины не понимало перспективы. И левые тоже.

Борьба за Украину накалила обстановку в стране. Это не была только борьба России и ЕС, соревновались правда и ложь о европейском порядке. Когда французский левый интеллектуал Кристоф Агитон заявил в 2013 году на экспертной конференции в Киеве, что Евросоюз должен быть разрушен как тюрьма народов и оплот неолиберализма, украинские фанаты ЕС едва не попадали со стульев от ужаса и непонимания. Но эти дебаты руководство «Боротьбы» в то лето бойкотировало, сочтя их недостаточно пролетарскими и не нацеленными на политическую марксистско-ленинскую декларацию.

Российская левая среда могла играть в политику, в реальности находясь вне большой политики, яростно отбиваясь при этом от заводящих их в подлинную (пусть реформистскую) деятельность. «Боротьба» была принуждена обстоятельствами работать в реальной политике, пусть и действуя не всегда последовательно и полагаясь на старый запас теории без серьёзной ревизии.

«Боротьба» не отказывалась от радикальной коммунистической риторики, но очень быстро столкнулась с главной проблемой постсоветской Украины. В стране усиливались неофашизм и антироссийский бандеровский национал-либерализм, который трудно было отличить от неофашизма. Этим положением определились и возможности «Боротьбы»: она смогла привлекать средства на свою работу в стране без массового социального движения как источника (откуда ему было взяться на Украине?). Помогали и не заинтересованные в фашизации страны деловые круги, включая российские. Вредили приверженцы Евромайдана, бандеризации и подчинения страны Западу.

Активисты «Боротьбы» вывешивают антифашистский транспарант.

Организация буквально была смята Евромайданом 2014 года, против которого (поколебавшись) вела борьбу. «Боротьбу» постиг бандеровский полицейский разгром. Она не была тихо запрещена, как КПУ, так как новые власти видели в ней угрозу. Лидеры организации — Василий Терещук, Андрей Манчук, Сергей Киричук, Алексей Албу, Виктор Шапиов и другие вынуждены были покинуть страну. Многие активисты оказались в Донбассе, где и в 2020 году продолжали борьбу с постмайданной властью. Агитация «Боротьбы» не была прекращена.

Примечательной была работа инициативы на украиноязычном поле с критикой незалежного украинского капитализма. «Боротьбисты» разоблачали КПУ и старательно откусывали дольки от поля этого «динозавра», сознавая деградацию этой партии и бессмысленность приспособления к ней. В России тем временем возобладала идея сближения левых с либералами в «общедемократическом» походе против властей. Главной фигурой этого дела стал Сергей Удальцов, возглавивший второе издание ЛФ и старавшийся не испортить отношения с КПРФ. Эту линию он сохранил в 2017–2020 годах. Что касается сближения с либералами, то из него ничего не вышло: прозападная оппозиция использовала своих попутчиков и подставила их под судебные дела.

Немало левых России в 2014–2020 годах осуждали «Боротьбу» за поддержку «российского империализма» и нежелание понять якобы одинакового характера власти Украины и России, не говоря уже об идее поражения своей страны в борьбе с другими как факторе будто бы возможной социальной революции. На эту критику «Боротьба» никак не могла ответить. Она фактически перестала существовать как организация, а её элементы целиком сосредоточились на борьбе с бандеровским режимом Украины, который возник в результате цветной революции, за которой не последовало ни подлинного буржуазно-демократического, ни социалистического этапов. Этих этапов там и не могло быть. Они существовали только в придуманных схемах. Но эти придуманные схемы оказались удобны для целого ряда левых групп на Украине и в России. В одних случаях эти группы брали деньги у западных фондов и доказывали, что демократическая Украина борется с русским империализмом, в других — могли тихо осуждать борьбу жителей Крыма и Донбасса за воссоединение с Россией как националистичную иллюзию, ничем не отличающуюся от бандеровской идеи.

Только с Россией — за это ПСПУ выступала более последовательно, чем КПУ. В центре снимка с микрофоном — Лариса Шеслер.

За рамки либерально-западнической (промайданной) или лево-ностальгической повестки в новейшей истории Украины вышла не только «Боротьба». Несмотря на развал в экономике, с 1990-х годов в стране сумела сохраниться и порой добивалась ощутимых успехов на выборах партия лево-реформистского типа — Прогрессивная социалистическая партия Украины (ПСПУ), чьим лидером была Наталия Витренко. ПСПУ твёрдо выступала за сближение с Россией. Для активистов партии было очевидно непонятное для большинства граждан страны: сохранение, восстановление и усиление естественных экономических, культурных и политических связей с Россией являются единственным способом развития Украины. Иное означает деградацию, что стало очевидным после 2014 года. Всё это остаётся фактом вне зависимости от классовых конфликтов.

Внутренний климат в ПСПУ был намного здоровее, чем в КПУ. Примечательно, что в этой партии активную роль играли женщины, причём такие талантливые, как Лариса Шеслер. В период 2014–2020 годов политические иммигранты из Украины нередко сравнивали её с Матерью Терезой, такую важную помощь она оказывала им в России. Линия ПСПУ не изменилась после Евромайдана, хотя климат в стране резко поменялся. ПСПУ выступала против евроатлантической интеграции Украины, против НАТО и США, за выход Украины из ВТО и за разрыв с МВФ, чей диктат при президенте Владимире Зеленском стал особенно сильным. Позиция ПСПУ по русскому языку не была скользкой: партия считала русский народ государствообразующим этносом постсоветской Украины, требуя государственного статуса для русского языка.

ПСПУ подчёркивала приверженность марксизму, а капитализм на Украине считала периферийным. Сознание угрозы углубления этой периферийности во многом определяло стратегию организации. Главная проблема ПСПУ состояла в самом обществе: имея немалую поддержку на востоке и юго-востоке Украины на выборах с 1998 по 2006 год, партия постепенно начала терять позиции. В стране усиливалась националистическая пропаганда, а с приходом в 2008 году большого мирового экономического кризиса многим гражданам стало казаться убедительным предложение решить проблему бедности и коррупции одним ударом — интеграцией в ЕС. Немалую роль в укреплении этих иллюзий сыграла Партия регионов и неумные зигзаги президента Виктора Януковича.

Более резкая в классовой риторике «Боротьба» с её непонятным отношением к России на короткое время оказалась эффективней ПСПУ, хотя её агитация была более взвешенной. Однако для активистов обеих организаций с 2014 года наступил новый, очень непростой период борьбы. Всё это не коснулось тех левых Украины, которые сначала поддержали Евромайдан, а после не увидели в стране никакого фашизма и убийств мирных граждан Донбасса. Отказались такие «левые» замечать и роль американского империализма, диктат МВФ и ВБ, а всевластие олигархических кланов стали именовать словом «демократия».

Однако факт остаётся фактом: в XXI веке Украина была единственным местом на постсоветском пространстве, где работа левых была не реконструкторской игрой, не попытками построить структуры для вхождения в политику, а самой политикой. Проблема в том, что эта политика опиралась на угасающую тенденцию общественной жизни. Страна во многом отставала от России в капиталистическом развитии, пока (с 2014 года) не отстала так сильно, что для легальной работы левых почти не оказалось места, а массы были разложены.

Постмодернизм, истматизм и народные массы

Большинство постсоветских левых относит себя к марксистам. При этом они могут делать из этого диаметрально противоположные практические выводы. Это, а также развитие максималистского видеоблогерства в интернете стало основными признаками левого брожения в России 2015–2020 годов.

В 2014–2016 годах экономику России, как и других стран БРИКС, накрыла вторая волна большого мирового экономического кризиса. Она вскрыла кризис экономической стратегии государства, дефицит прагматизма — ориентации на развитие собственного обрабатывающего производства и рынка. Последовала трансформация государственного курса, частью которого со временем стало повышение активности на пути евразийского сотрудничества. В общественном же плане ситуация накалилась, что дало импульс разнонаправленным левым. Во время президентских выборов 2017–2018 годов одни «боевые марксисты» поддерживали выдвижение Павла Грудинина, другие бойкотировали его и клеймили «клубничным олигархом», фальшивым коммунистом и классово чуждым элементом, доказывая даже, что в России приближается социальный взрыв и его никак не миновать. В реальности происходил сдвиг общественной повестки влево, который оказывал давление на власти.

Значимо было следующее: в мире возрастали противоречия между державами, а в официальной политике готовился сдвиг влево, в сторону социально-патриотического консенсуса властей и общества, что в целом усиливало Россию. В этом и состояло желание масс. Всё это к 2021 году ослабило «левые силы» во всех их проявлениях, от старых партий до новых кружков. Произошло это несмотря на то, что 2020 год принёс уже третью волну мирового кризиса. Однако всему этому предшествовал специфический этап активности на левом поле, который проявил многие ранее не столь выделявшиеся его особенности.

На 2016–2019 годы пришёлся подъём «красного блогерства», игр в кружки и радикальные лозунги. В нулевые годы левый интеллектуал Александр Тарасов высказал мысль, что левые в России и на всем постсоветском пространстве находятся на докружковой стадии развития, за которой должна последовать кружковая стадия[17]. Потом логично было ожидать объединения кружков в политическую организацию.

В 2020 году стало очевидно: за образованием кружков следует не марксистское просветление в теории и организационное строительство, а рассыпание кружков или в лучшем случае образование максималистских сект. Каждая из таких сект объявляла себя революционной и коммунистической, но большей частью они были виртуальными, собирая донаты и изрыгая проклятия в адрес «кровавого режима».

Молодые «теоретики» истматизма, блогеры и догматики нового издания. Некоторые, по слухам, работают на Ходорковского.

Некоторые из «лидеров» виртуальной борьбы и «изучения марксизма» просто паразитировали за счёт пожертвований и переключения аудитории на новые схемы, а также поддержки тех, кого было выгодно. Другие использовали аудиторию для личного продвижения и даже продвижения товаров. Третьи играли в политический максимализм. Их аудиторией были не пожилые избиратели, а бедная провинциальная молодёжь, немало страдавшая от волн глобального кризиса. Один из таких ресурсов, «Вестник бури», с 2014 года громыхал пророчествами и лозунгами: «Мы знаем: буря грядёт, она разразится уже скоро и сметёт

[17] Александр Тарасов, Левые в России находятся на докружковой стадии: https://scepsis.net/library/id_1759.html

привычный мир. Не мы вызываем её, никто не властен над такими силами. Но мы её не боимся. Крах существующих порядков, тектонические сдвиги в современном мироустройстве — всё это может обернуться катастрофой для миллионов людей… И, поскольку избежать надвигающихся катаклизмов невозможно, остаётся единственный выбор: станут ли грядущие потрясения бессмысленной трагедией или откроют возможность новой жизни? Буря надвигается, нам, как и всем, жутко, но мы знаем, что делать»[18].

Максималистскую публику не волновали американский империализм, фашизм на Украине, санкции против России. Ещё меньше интересовало её развитие научного знания о законах развития общества. Философ Андрей Коряковцев, один из авторов книги «Марксизм и полифония разумов», в 2020 году констатировал: *«В 2018–2019 годах я предлагал нескольким марксистским кружкам познакомиться с результатами наших исследований, надеясь найти хоть какую-то жажду познания. Всякий раз получал глупые и надменные ответы, вроде "Приходите, мы расскажем вам о трёх законах диалектики" или "Узнаете, что такое коммунизм". Не интересовало эту кружковщину ни исследование экономических кризисов в новой книге "Капитализм кризисов и революций", ни новое знание о великих модернизационных революциях и их стадиях, ни сравнение позднего и раннего Маркса во взгляде на историю. Совсем не хотели рефлексировать по поводу поведения трудящихся в условиях краха СССР и задумываться над тем, что тех интересует ныне. В публикациях кружков были одни мантры про грядущую революцию и необходимость немедленного штудирования Владимира Ленина».* Чувствуя эти примитивные настроения, под них подстраивались некоторые блогеры-историки. *«Как великое откровение подавался пересказ советских учебников истмата и диамата, и даже научного коммунизма»,* — отмечает Сергей Вискунов, соавтор Коряковцева.

Всё это выдавалось за живой и всё объясняющий в современном мире марксизм. На деле в лучшем случае публике подавалась эклектика из советского марксизма (истматизма) и миросистемного анализа, причём на уровне его развития 1995–2005 годов. Обстоятельства мирового кризиса 2008–2020 годов почти не рассматривались. Преобладало негативное, даже разрушительское отношение к российскому государству, в котором видели лишь классовое угнетение и фиксацию отсталости. В евразийской интеграции находили русский империализм и угнетение других народов (право наций на самоопределение понималось как отделение и удаление от России), в укреплении центральной власти в России — реакционное покушение на права наций. Арест хабаровского губернатора-гангстера Сергея Фургала трактовался как покушение на народную свободу. Для надёжности каждый подобный ход подкреплялся марксистской фразеологией и обещанием скорой революционной бури.

Однако марксизм левых групп, каналов и проектов являлся лишь формой постмодернизма. Сам постмодернизм (фр. postmodernisme — после модернизма) был направлением в мировосприятии, утвердившимся после мирового кризиса 1973–1982 годов, когда стратегии модернизации, преодоления отсталости и социальных реформ оказались в тупике. Утверждение идеала денег, частной выгоды и личного интереса сделало возможным такое философское отношение к реальности, где легко допускалось отрицание логики и игнорирование фактов там, где это было выгодно. Постмодернизм левых выражался среди прочего в придании забвению целых неудобных эпох. Так, совет брать рецепты Ленина в работе с пролетариатом совершенно игнорировал эволюцию общества. А назойливые обещания скорой социалистической революции выкидывали всё известное о революциях, всё новое знание о логике общественного развития.

Если сведения не выгодны — игнорируй их. Так можно было описать практику постмодернистской игры в левый максимализм. Постмодернизм обрезал марксизм до набора утилитарных «истин». Для подкрепления их отлично подходили советские учебники и заложенные в них догматы. Но самое интересное состояло в природе принятия этого аудиторией и спикерами, если только они не были ангажированы (не финансировались каким-либо западным легальным или секретным фондом «развития демократии»). Эмоциональное убежище от действительности и её реальных противоречий — вот чем стал новый-старый советский марксизм и максимализм левой фазы для своих приверженцев, блогеров, «лидеров мнений» и их аудитории. Психологи советовали не проходить в анализе мимо полового дисбаланса в левой среде: представители мужского пола

[18] Вестник бури. Манифест (2014): https://vestnikburi.com/vestnik-buri-manifest/

преобладали, а женщин было очень мало, что означало оценку большинством их этой мужской среды как непривлекательной. Естественно, в социально-культурном и лично-эмоциональном смысле. О том, чтобы с таким составом завоевать массы, не могло быть и речи.

Знаменитые ветераны истмата в России: Борис Юлин, Михаил Попов и Клим Жуков. Из-за патриотической позиции Попова приверженцев истмата порой в шутку делят на поповцев и беспоповцев. Последних большинство.

Пока КПРФ модифицировалась в партию менеджерского типа (устроенную как фирма в собственности «вождя»), не отличимую от конкурирующих на выборах структур, которые именовала спойлерами, а некоторые левые группы в России и других постсоветских странах садились на соросовские и прочие западные пособия, массы двигались своим путём. Они рассматривали левые структуры как средство воздействия на власти. Так, голосование за Павла Грудинина было демонстрацией верхам недовольства, тогда как сделка с ними была для низов искомой. Неолибералы во власти стремились демонтировать связь высшей бюрократии (грандбюрократии) с широкими слоями общества. После либералы из прозападной оппозиции и их левое крыло смогли бы использовать ослабление грандбюрократии, опрокинуть её при помощи вполне стандартного для цветной революции низового возмущения. Это возмущение готовила бы другая колонна — колонна в системе исполнительной власти.

В схеме искомого США и ЕС цветного переворота в России резкая риторика оппозиционных левых спикеров была очень полезной. Выгодно было отделить в сознании общества современную Россию от СССР, так, будто бы она не была его продолжением, а явилась случайным отклонением. При этом капитализм выдавался за нечто верхушечное, а вовсе не за всю сложную систему отношений в обществе. Для этого идеально подходили примитивные штампы истмата. А все противоречия вероучения (нелепое для марксизма замещение социализма капитализмом) выбрасывались за борт «корабля революции». Только это был не корабль, и он никуда в плане революции не плыл. Впрочем, этого замечать тоже не следовало. А вот слова одного из марксистов советской школы Михаила Попова о том, что Владимир Путин заслуживает благодарности, «красными блогерами» были немедленно замечены, и на пожилого профессора обрушили потоки брани и насмешек[19]. Он был назван «охранителем» и «словоблудом», после чего Попова «пригвоздили» обвинением в антиленинизме: «Работает в бюджетном учреждении, делает вид, что коммунист»[20].

Общественная жизнь шла мимо этого субкультурного бурления. Политический кризис в Белоруссии разразился вовсе не по линии конфликта пролетариата и буржуазии. Противоречия на Украине и в странах Закавказья были

[19] Путин заслуживает благодарности. Михаил Васильевич Попов: https://www.youtube.com/watch?v=9y6pMag5V58
[20] Там же, в комментариях.

лишены истматовской простоты. Зато благополучно занятые левыми авторитетами ниши благополучно удерживались, пусть даже деятельность их была бесплодной.

Выводы

В большинстве постсоветских стран политические левые к 2021 году сошли с исторической сцены как самостоятельные или самостоятельно мыслящие силы. В российской политике левых групп и структур с маркировкой «партия» в 2014–2020 годах прибавилось, и их не обязательно будет меньше позже. Куда важнее, что блогерская волна, сменившая на левом поле период метаний между КПРФ и прозападными либералами, оказалась содержательно крайне бедной. В её рамках даже участники попытки строительства ЛП позабыли исторический опыт и методы анализа, скатившись в повторение «истин» истмата.

В Белоруссии левые растворились в повестке национал-либеральной оппозиции или национал-либеральной власти, испугавшейся последствий своей политики многовекторности и заговорившей о социальной ответственности государства. На Украине левые организации были разгромлены, а кадры продолжили борьбу в рамках более широкого антифашистского сообщества. В Закавказье и Средней Азии левые даже в самом ностальгическом формате вообще перестали быть заметными. В России под видом возрождения интереса к радикальным левым идеям среди «настоящих коммунистов» и «настоящих социалистов» произошла крепкая догматизация. Но это не всё, что произошло.

В то время как российское общество и многие граждане на Украине всё более целостно воспринимали советскую и новейшую российскую историю, по сути, создавая почву для нового (во многом левого по духу и основанного на гордости за достижения СССР) объединяющего патриотизма, большинство левых групп обособлялось от этого процесса в массах. В случае национальных республик они зачастую обвиняли Россию в якобы имеющихся планах порабощения народов бывших «братских республик» (нередко это давало очень недурной долларовый месячный доход спикеру). В самой России такие группы доходили до призыва к поражению своей страны в конфликте с западными центрами капитализма, заключая, что Россия без социализма — неизбывная периферия, страна, обречённая на низкую позицию в мировом разделении труда и деградацию. Сам же социализм подавался в кондовой истматовской форме. А чтобы его вернуть, предлагалась революция, подобная буре.

Несмотря на пандемию и агитацию против, россияне голосуют за поправки в Основной закон. 1 июля 2020 года.

Всё это не могло нравиться весьма обуржуазившемуся в своих ценностях обществу. Его базовым устремлением было развитие современного российского государства. Конкретные желания массы граждан в 2014–2020 годах состояли в социальных реформах, экономическом росте на основе регулируемого рынка, устойчивости национальной системы безопасности, включая защиту от актов насилия,

обороноспособность и эффективность во внешней политике. Этим диктовался совершенно иной взгляд на прошлое страны и на научное знание, который не был совместим с максималистской левизной. Конкретно это было продемонстрировано в ходе плебисцита летом 2020 года: большинство граждан поддержало изменения в конституции и особенно новые социальные акценты в ней. Большинство левых спикеров выступило против. Против поправок призывала голосовать и КПРФ. В результате одни потеряли в просмотрах видео, другие — в голосах на выборах.

Однако ни данная ситуация, ни общий опыт не породили рефлексии.

Мировой экономический кризис 2008–2020 годов не привёл к преодолению кризиса левых структур ни на Западе, ни в бывших советских республиках, ни в России. Он вызвал смещение общественной повестки влево, и это будет иметь значение в 2021–2045 годах. Началась новая эпоха. Она не будет повторением ни 1900–1950 годов со всеми классовыми битвами, ни времени неолиберального порядка с крахом СССР и «концом истории» (1982–2008 гг.).

Левый максимализм обещает оказаться не авангардным, а арьергардным явлением. Он будет замыкать, а не направлять историческое движение. Его заметность будет мала, если это движение пойдёт далее по пути развития социального государства, регулирования экономики и поощрения национального производства, а также объединения раздробленных на постсоветский мир частей целого — развития евразийской интеграции во главе с Россией. В обратном случае заметность арьергарда может возрастать, но ровно до нового рывка в развитии. При всей эффектности обещаний левый максимализм нуждается в другом обществе и особенно в другом рабочем классе. Всё это некогда было, но исторические обстоятельства изменились. Религия истматизма не позволяет понять этого, что делает её крайне далёкой от подлинного марксистского анализа. Сам истматизм не подделка, но устаревшая, эмоционально зацементированная форма мировосприятия.

2008–2020 годы были временем экономического кризиса. Он принёс огромные изменения, одно из которых — борьба старых и новых центров капитализма. Потерпела крах неолиберальная концепция развития. Прагматичная политика доказала своё превосходство над идеей «свободной торговли»; глобализация уступила место региональной интеграции и национальной экономической эффективности, достичь которой малые постсоветские страны сами не смогут. В политику приходит принцип единства внешней и внутренней повестки. В случае левых это, например, означает: нельзя восхвалять малые национальные суверенитеты (опустим их ложный и реакционный характер) и быть сторонниками прогресса. Часто употребление слов «социализм» и «коммунизм» ничего не меняет. Необходимо принимать идею развития в её конкретности.

Символическая, сектантская и максималистская левизна в 2014–2020 годах, сколь бы диванный характер она ни имела, могла всё же выглядеть крайне принципиальной и чрезвычайно ленинской. На этом фоне любое содействие не революционным по форме изменениям в России (она была и остаётся в центре всех постсоветских дел) в определённом кругу казалось предательством в деле искомых радикальных перемен. Но со временем развитие общества покажет свои результаты и обеспечит не эмоциональные, а взвешенные оценки дел, позиций и слов. Это будут и оценки в отношении постсоветских левых.

Каков же основной вывод? Наступает время социальных реформ, время теории и практики реформизма. На заре этого времени даже формально нацеленные на реформы (мирная революция в риторике КПРФ) левые структуры и авторитеты ушли в совершенно ином направлении. За долгое время этого «движения» был накоплен немалый набор техник политической манипуляции, ориентированной вовне и внутри организаций.

2050 СОНАР

Союз · Россия · Беларусь · Фабрика смыслов · Нарратив · Кооперация · Интеграция · Политэкономия · Идентичность · Будущее · Прогноз · Анализ · Обороноспособность · Наука и техника · Промышленность · Культура · Точки роста

«Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза "Союзный нарратив 2050"»

Российская Федерация, 143180, Московская область, г. Звенигород, мкр. Пронина, д. 2, офис 12

Директор — Боков Василий Сергеевич. Тел.: 8-916-120-07-08. E-mail: vb@sonar2050.org

Шеф-редактор — Уралов Семён Сергеевич. Тел.: 8-916-215-72-02. E-mail: uralov@sonar2050.org

Глава аналитического бюро — Лизан Иван Юрьевич. Тел.: 8-999-714-12-40. E-mail: lizan@sonar2050.org